

Сказав это, Чжоу Цзихэн ослабил запястья Линь Мо и засунул руки в карманы брюк своего костюма.

Линь Мо раньше не пересекался с Чжоу Цзихэном, но интуиция уже подсказала ему, что между Чжоу Цзихэном и Ся Сицином должны быть какие-то отношения. Он улыбнулся и коснулся своего запястья, взглянув на Ся Сицина, и многозначительно кивнул:

— Мир не глубок...

Ся Сицин в зеркале поднял брови, Линь Мо был сознательно скучным и вышел из раздевалки с улыбкой. Дверь снова закрылась, и в комнате остались только Чжоу Цзихэн и Ся Сицин.

Он не знал почему, такая агрессивная уверенность только что внезапно стала похожа на воздушный шарик, который сдули, и он внезапно исчез. Чжоу Цзихэн почувствовал, что он слишком любопытен. Возможно, Ся Сицин тоже с нетерпением ждал этого «воссоединения». Возможно, он разрушил добрые дела других людей.

Чем больше он думал об этом, тем неприятнее становилось, кто знал, что он вдруг услышит смех. Чжоу Цзихэн пришёл в себя и увидел, что Ся Сицин не может сдержать улыбку на своём лице, и опустил голову, смеясь всё громче и громче.

— Над чем ты смеёшься? - Чжоу Цзихэн был немного раздражён, он явно помогал ему, а его вот так высмеяли.

Слёзы Ся Сицина были готовы выплеснуться от смеха, он изо всех сил старался успокоиться и посмотрел на Чжоу Цзихэна, который стоял рядом с ним:

— Мир ещё не глубок? - Он поджал губы и ухмыльнулся, подперев подбородок руками, упёршись локтями в подлокотники сбоку от кресла, и его глаза превратились в два полумесяца, когда он посмотрел на Чжоу Цзихэна.

Не говоря уже ни о чём другом, нет ничего плохого в этом лице с четырьмя словами «глубочайший в мире». Подумал про себя Чжоу Цзихэн.

Глаза Ся Сицина загорелись, как будто в них раздавили горсть звёзд. Он слегка прикоснулся пальцами к своим щекам, повторяя то, что Чжоу Цзихэн только что сказал Линь Мо:

— Мы все вращаемся в одном кругу, и нас с вами многое не удивляет... - Когда он сказал, его голос замедлился, а звук голоса был похож на остатки облака, уносимого ветром днём.

— Неудивительно... - Он протянул руку и коснулся мягкой ткани белого свитера Чжоу Цзихэна. Его тонкий указательный палец имел чёткие суставы, обводя тканую текстуру, как кисточкой, и невинная улыбка в уголках его глаз постепенно сходилась, образуя двусмысленную улыбку.

Внезапно его указательный палец задел пряжку ремня на талии Чжоу Цзихэна, и он поднял глаза, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Чему ты удивлён?

Брови Чжоу Цзихэна слегка нахмурились, что было самым сексуальным выражением в глазах Ся Сицина.

Этот человек просто...

— Я просто ищу оправдание. — Чжоу Цзихэн достал руку из кармана и попытался убрать его беспокойные пальцы с пояса.

Кто же знал, что как только он разжаст его тонкие пальцы, Ся Сицин схватит его ударом слева, и его пальцы внезапно оказались между пальцами Чжоу Цзихэна, крепко сжав его руку.

— Почему ты хочешь выйти?

Когда десять пальцев крепко сжаты, такие слова должны быть самыми тёплыми и сладкими словами в глазах Чжоу Цзихэна, но в этот момент Ся Сицин больше был похож на гангстера, приставляющего нож к шее жертвы. Параноидальный, высокомерный и решительный.

Переплетённые пальцы казались обжигающими, и тревога в сердце Чжоу Цзихэна зазвучала снова. Он попытался убрать руку Ся Сицина, но его взгляд невольно скользнул к ране на губе. Он не хотел больше причинять ему боль, поэтому ему пришлось сдаться, притворившись безразличным, он холодно ответил:

— Это не выходило у меня из головы. Здесь много людей, я не хочу, чтобы ходили слухи о том, что «фотографы нарушают негласные правила, модель, известный актёр-мужчина закрывает на это глаза».

Это действительно интересно, он так интересно оправдывается. Ся Сицин поднял брови и сильно сжал пальцы, пресекая попытку Чжоу Цзихэна вырваться:

— Значит, не имеет значения, оскорбляешь ли ты фотографа перед съёмкой?

— Чего мне бояться. Для меня нет разницы между готовым фильмом в студии и необработанным снимком, сделанным прохожими. — Смело и спокойно сказал Чжоу Цзихэн.

Глаза Ся Сицина просканировали всё его тело. Это верно.

— Такой перфекционист, как Линь Мо, не стал бы разрушать свою работу из-за такой вещи. — Сказав эти слова, Чжоу Цзихэн почувствовал, что рука Ся Сицина, казалось, немного расслабилась, и он воспользовался возможностью разжать ладонь другой рукой.

Он вздохнул с облегчением. Не совсем так. Чжоу Цзихэн повернул пальцы, которые Сицин держал до боли, и засунул их обратно в карманы своих костюмных брюк.

Ся Сицин, который перестал держаться за руки, изобразил на лице хищное выражение, ускользая от него. Он встал со стула и протянул руки, чтобы помочь Чжоу Цзихэну одёрнуть его водолазку. Предыдущая рука, сжатая десятью пальцами, покраснела. Поправив воротник, он слегка поднял глаза, посмотрев в глаза Чжоу Цзихэну.

— Мне нравится, когда ты смотришь на меня под этим углом, наполовину опустив голову, — голос Ся Сицин был очень нежным, его руки скользнули от края высокого воротника свитера к его широким плечам. — Это заставляет меня действительно хотеть поцеловать тебя.

Чжоу Цзихэн протянул руку к телу Ся Сицина, пытаясь приблизиться, но не оттолкнул её сильно:

— Кто-нибудь может войти сюда в любой момент.

Ся Сицин не смог удержаться от смеха.

Это предложение действительно двусмысленно.

Как будто с ними что-то случится.

Он наклонил голову, с намёком на хитрость в глазах:

— Так... ты имеешь в виду, если это место, где никого нет, я могу поцеловать тебя?

Кража концепций — действительно ужасный навык.

Чжоу Цзихэн был немного обеспокоен этим, и он не мог сказать почему. Ся Сицин был настолько опытен в этих методах, что ему не нужно было реагировать, это почти стало условным рефлексом. Ему не нужно думать об этом, чтобы знать, на скольких людях он провёл тестирование.

Думая о том, что эти процедуры неоднократно практиковались им на бесчисленном количестве людей, Чжоу Цзихэн почувствовал себя неловко. Он выпятил грудь на одном дыхании, и тон его голоса был бессознательно жестоким:

— Ты думаешь, я недостаточно сильно укусил в прошлый раз?

Как только он закончил говорить, Ся Сицин высунул кончик языка, облизал губы, лизнув кровавую корку, как будто пробуя восхитительный вкус:

— Это довольно жестоко. - Его руки переместились с плеч на затылок, и он слегка поднял глаза на Чжоу Цзихэна, словно прося поцелуя.

— В следующий раз лучше всего кусать там, где никто не сможет видеть.

Чжоу Цзихэн потрянул его руку и сделал шаг назад:

— Ты не принимаешь решения обо мне.

— В чём твоя идея? - Ся Сицин откинулся на спинку стула, взяв мобильный телефон с туалетного столика. — Ты думаешь, я хочу кончить это? Кто убедил своего помощника забрать меня? Кто пообещал мне прийти одному и пожалел об этом на полпути, всё ещё беспокоясь, что я не приду, не подтверждая это снова и снова?

Каждое предложение задевало слабость Чжоу Цзихэна, и некоторое время он с трудом мог найти правильные слова, чтобы ответить на риторические вопросы Ся Сицина.

Ся Сицин снова спросил:

— Почему ты сожалеешь об этом?

Это тот момент, о котором Чжоу Цзихэн не желает говорить. Он даже не хотел вникать в причины, по которым ему вдруг стало не по себе после просмотра списка лайков Ся Сицина на этом Weibo.

— Мне нечего сказать.

Чжоу Цзихэн не хотел лгать и не хотел оправдываться.

Как раз когда Ся Сицин всё ещё пытался навязать вопросы, Шейн вернула визажистку по спецэффектам, и как только та вошла в дверь, она тихим голосом пожаловалась на проблемы Линь Мо и тривиальные вопросы. Ся Сицин и Чжоу Цзихэн сделали вид, что ничего не произошло, сев на свои места, а вскоре и парикмахер Чжоу Цзихэна вернулась.

— Цзихэн, я только что обсудила с ними. Мы думаем, что мокрые волосы будут сексуальнее, - парикмахер схватила Чжоу Цзихэн за распущенные волосы. — Но они не будут очень

влажными. Эта часть лба, – она схватила прядь, подержала спрей и распыляла его до тех пор, пока он не начал капать, эффект капель воды будет накапливаться на кончиках свисающих волос.

Визажистка по спецэффектам нарисовала длинный шрам на лице Ся Сицина, но он подумал, что этого недостаточно.

— Ты можешь изобразить это как эффект расцвета плоти и крови? – Ся Сицин улыбнулся, сказав визажистке. — Я думаю, эффект будет сильнее.

После того, как весь макияж и причёска были готовы, Ся Сицин наблюдал, как Чжоу Цзихэн надел очки с золотой оправой, его глубокие брови были обрамлены золотой каймой, и он надел свитер с высоким воротом. Было неопишное чувство воздержания.

Сицин в последний раз взглянул на себя в зеркало, на свою порванную чёрную рубашку, голую кожу, ужасные раны на лице, следы крови и струпья на губах. Он действительно выглядит как бедная жертва.

Студия оформлена на чисто чёрном фоне, посередине стоит светло-коричневое кресло с обивкой из орехового дерева в стиле барокко*.

[{* Барокко называют стиль в европейском искусстве и архитектуре XVI–XVII веков. Для него характерно внимание к деталям, символы и аллегории, грандиозные композиции, преувеличения, эмоциональность, пышность, витиеватые, изогнутые линии и обилие декора.}]

— Сицин, сначала ты сядешь в кресло, а я сделаю два снимка, чтобы попробовать свет.

Линь Мо поднял подбородок в сторону Ся Сицина, и Ся Сицин подошёл, сев на стул.

— Немного раздвинь ноги, да, откинься на спинку стула и подними голову, – командовал Линь Мо, нажимая на спуск, чтобы запечатлеть каждое выражение лица Ся Сицина.

Просмотрев только что сделанные фотографии, Линь Мо остался вполне доволен:

— Цзихэн, давай тоже иди.

Ся Сицин повернул голову и увидел Чжоу Цзихэна, выходящего из темноты, с парой длинных ног, обтянутых брюками от костюма и тёмно-серым пальто в ёлочку поверх белого свитера. Он опустил голову и осторожно надел белые хирургические резиновые перчатки. На его руках, в тот момент, когда он поднял голову, глаза под золотистой оправой слегка сузились под сильным светом отражателя.

Если у всех извращенных убийц такое лицо, то многие люди должны прийти умирать. Ся Сицин искренне вздохнул.

Взять обложку двойного номера непросто. Большинство журналов используют самые безопасные и лёгкие позиции слева и справа, но Линь Мо, очевидно, не хочет использовать такую скучную позу.

— Сицин сиди в кресле, а Цзихэн обойди его сзади, встав у него за спиной. - Линь Мо снова сказал. — С этого момента ты должен помнить, кто ты - извращённый убийца и невинная жертва. Играйте свободно.

Чжоу Цзихэн стоял позади Ся Сицина. Они вдвоём попробовали несколько различных положений стоя, но ни в одном из них не было никаких недостатков. В момент нажатия на спуск в голове Чжоу Цзихэна было пусто. Он знал, что ещё не вошёл в это состояние, поэтому фотографии, сделанные таким образом, не могли броситься в глаза.

Линь Мо пригласил группу, и визажистка подошла, чтобы привести в порядок волосы Чжоу Цзихэна:

— Я чувствую, что концепцию этого времени очень сложно снять.

Чжоу Цзихэн кивнул, и Линь Мо, который закончил смотреть фото, подошёл к нему и сказал визажистке:

— Я не думаю, что ощущения от макияжа достаточно. Лучше быть немного более кровавым и откровенным.

Визажистка тоже была немного смущена:

— Не позволяй этому зайти слишком далеко сейчас, даже если ты возьмёшься за это, ты не сможешь создать обложку.

— Это нормально - быть тонким. - На лице Линь Мо появилось немного нетерпеливое выражение. — Если ты не можешь этого сделать, позволь это сделать другим. - Поговорив, он отошёл в сторону и закурил сигарету для себя.

Выражение лица визажистки стало смущённым, и Ся Сицин посмотрел на Чжоу Цзихэна, который стоял там. Действительно, было бы лучше, если бы крови было немного больше.

— Есть ли здесь какая-нибудь краска? - Ся Сицин подошёл к визажистке по спецэффектам. — Я думаю, у вас должно быть много красной краски на боку, точно такой, какую вы только что нарисовали для меня.

Чжоу Цзихэн закрыл глаза и попросил визажиста ещё раз распылить на себя. Внезапно звук сопла резко прекратился.

— Цзихэн.

Это голос Ся Сицина. Чжоу Цзихэн открыл глаза, и жидкость пролилась ему на лицо, почти достигнув глаз. Он быстро закрыл глаза и нахмурился:

— Что ты делаешь?

— С этим всё в порядке?

Красная краска, которую он только что вылил на лицо Чжоу Цзихэна, была подобна струящейся крови, прилипшей к его точеному лицу, от прядей мокрых волос, свисающих со лба, к глубоким глазницам, от скул к губам.

Ся Сицин передал кисточку и пластинку, испачканную липкой красной краской, ассистентке по макияжу, взяв золотые шёлковые очки из рук Чжоу Цзихэна и осторожно надев их на его лицо.

Это похоже на настоящего маньяка-убийцу.

Линь Мо тоже подошёл, и удовлетворённое выражение на его лице с трудом можно было скрыть:

— Очень хорошо, это то самое чувство.

Решив эту проблему, Ся Сицин вернулся в своё кресло. Послесвечение Чжоу Цзихэна сопровождало его фигуру. Он казался немного усталым. Когда Цзихэн сел, он слегка наклонил спину, положив руки на лоб, и его слегка вьющиеся волосы рассыпались, закрыв лицо.

Вырез широкой рубашки был открыт, и с точки зрения Чжоу Цзихэна, он мог ясно видеть очертания его ключицы, рёбер, линии мышц, которые постоянно сокращались, и вырисовывающуюся, слегка волнистую грудь.

Он вдруг вспомнил о первой встрече с Ся Сицином в тайной комнате.

Ся Сицин, который был полусогнут, использовал свои скованные наручниками руки, чтобы развязать верёвки на его ногах для него, в покорной позе поклона.

— У вас здесь есть наручники?

Услышав эти слова, Ся Сицин опустил голову, и внезапно поднял её, посмотрев на Чжоу Цзихэна. Он должен признать, что Чжоу Цзихэну неожиданно понравился его сюрприз, и он вообще не чувствовал, что вошёл в это состояние.

— Да, есть. — Шейн посмотрела на Ся Сицина. — Сицин, ты можешь надеть наручники?

Ся Сицин засмеялся:

— Нет проблем, подчиняюсь уговору.

Шейн немедленно приказала ассистентке достать их и сказала с улыбкой:

— Это просто соответствовало твоей сцене в начале «Побега с небес».

Ассистентка принесла наручники и собиралась передать их Ся Сицину, но была прервана Линь Мо.

— Отдай это Цзихэну, пусть Цзихэн наденет их.

Все визажистки вышли, и они вот-вот приступят к съёмкам.

Чжоу Цзихэн взял наручники из рук ассистентки и подошёл к Ся Сицину, опустившись на одно колено. Ся Сицин, облокотившись на стул, вытянул руки перед собой, серебряные наручники щёлкнули и защёлкнулись.

Это чувство слишком знакомо. Звук закрывающегося затвора продолжал отдаваться эхом в его ушах, глаза Ся Сицина смотрели на Чжоу Цзихэна, наблюдая, как тот встаёт и обходит его сзади.

— Цзихэн наклонись, приближи лицо к уху Сицина, да, ущипни его за подбородок.

— Очень хорошо, я чувствую это, продолжайте это действие. — Линь Мо изменил угол наклона и хлопнул по нему. Это услышали даже помощники вокруг него. В его голосе слышалось волнение. — Цзихэн протяни руку и ущипни его за подбородок правой рукой.

Первая серия фотографий делалась почти час, и эффект был настолько потрясающим, что персонал в двух фотозонах был поражён.

— Выразительность этих двух людей просто поразительна.

— Я не могу поверить, что это на любителя, это так красиво.

— Не будь нимфоманкой, быстро принимайся за работу.

При выборе фото у Линь Мо и директора журнала было почти одинаковое мнение, и они оба выбрали одно и то же фото.

На фотографии Ся Сицин сидит на изящном и великолепном кресле с обивкой винно-красного цвета, его руки скованы наручниками. Чжоу Цзихэн, с забрызганным кровью лицом, стоял позади него, его правая рука в белых резиновых перчатках ущипнула Ся Сицина сзади за подбородок, заставляя его слегка поднять голову.

Другая белая перчатка была им прикушена, и он прикусил её зубами, поднёся ко рту. Его голая рука коснулась нижней челюсти Ся Сицина, а указательный палец почти дотянулся до слегка приоткрытых губ Ся Сицина.

Они оба смотрели прямо в камеру. Глаза под золотистыми шёлковыми очками были равнодушными и жестокими, смешанными с определённым удовольствием от желания добиться успеха.

И Ся Сицин, который поднял голову, опустив веки, его глаза, казалось, зывали о помощи через объектив, но на его лице было выражение удовольствия.

Это так чудесно.

Последние две сцены были сняты на одной внутренней странице. Сцена Чжоу Цзихэна была перед шкафом в спальне. В дверцу шкафа было встроено такое же зеркало. Ассистентка модели забрала у него очки.

— Представь, что сейчас ты убил его, а потом возвращаешься в свою комнату и меняешь свою испачканную одежду. - Линь Мо отрегулировал машинку и указал на Чжоу Цзихэна. — Смотри на себя в зеркало, это верно.

Чжоу Цзихэн задрал подол свитера, подцепил его правым локтём и обнажил своё тело с правой стороны. Ся Сицин, который стоял за пределами площадки, держал в руке стакан с напитком. Он с большим удовольствием смотрел на обнажённые мышцы живота Чжоу Цзихэна и линию русалки. Честно говоря, это было лучше, чем он себе представлял это более впечатляюще, такая фигура действительно захватывающая.

Холодную жидкость всасывали через соломинку, но в горле было всё ещё сухо.

— Поставь локти на свою одежду, посмотри в свои глаза, посмотри в зеркало, да. - Линь Мо сменил угол наклона и подошёл ближе. — Сними это, вытри пятна крови на лице пальцами и подними подбородок. Это очень вкусно.

Глаза Ся Сицина уставились на всю обнажённую спину Чжоу Цзихэна, мышцы спины, которые постоянно подвергались воздействию его движений, и тонкую талию, которая расширялась к низу.

Его зубы невольно прикусили кончик соломинки.

Тск, я могу представить чувство, когда ты не можешь есть, это так раздражает.

Когда дело дошло до личной съёмки Ся Сицина, место проведения было изменено на ванную комнату, где стояла ванна, полная горячей воды. Линь Мо и Ся Сицин обсудили идею съёмки, а Чжоу Цзихэн, который переоделся в другой костюм, чтобы отдохнуть, смотрел предыдущие фото под руководством ассистента фотографа.

Ся Сицин лёг в ванну, тёплая вода окутала его тело, и шёлковая рубашка прилипла к его коже. Ся Сицин прислонил голову к переднему краю ванны, положив руки на край. Линь Мо подумал, что такая поза была хорошей, поэтому он сделал несколько снимков, затем вызвал стилистку, которая принесла длинный белый кружевной пояс шириной в три пальца и подошла к Ся Сицину.

— Примерь это на свои глаза. - Стилист подчинилась уговору Линь Мо и аккуратно положила белое кружево на глаза Ся Сицина.

— Инженер по освещению, с другой стороны головы распределение света должно быть желтоватым.

Чжоу Цзихэн сел в сторонке и посмотрел на Ся Сицина, лежащего в ванне, его глаза, прикрытые длинной белой кружевной лентой, отражали мрачную красоту. В этом кругу слишком много людей с нейтральным стилем. У них более нежные лица, чем у большинства девушек, но в эстетической системе Чжоу Цзихэна красоты, которая упакована, недостаточно, чтобы называться красотой.

После просмотра предыдущего фото Линь Мо слегка прищурился:

— Я думаю, этого всё ещё немного недостаточно, - обратился он к режиссёру и Шейн, — Сделайте всю воду в этой ванне красной.

— Нельзя. - Директор покачал головой и прямо отверг его решение. — Тот, что только что был на лице Цзихэна, уже считается маргинальным шаром. Такая большая площадь определенно нехороша.

Шейн пожала плечами:

— Я говорила тебе давным-давно.

Чжоу Цзихэн сидел на другом конце провода, и он мог это ясно слышать. Он повернул голову и поманил Сяо Ло.

— Это всего в одном шаге отсюда. – Линь Мо чувствовал себя очень неудовлетворенным. Его перфекционизм в то время не позволял ему идти на компромисс. Он позвонил главному редактору журнала для переговоров, но результат по-прежнему был отрицательным. Несколько человек не могли спорить в студии, и они были почти готовы поссориться.

Обсуждение и ссора продолжались более десяти минут, и вода в ванне постепенно остывала. Ся Сицин почувствовал усталость. С точки зрения искусства, он понимал настойчивость Линь Мо, но искусство и то, можно ли его высвободить, – это другой вопрос. Он снял белое кружево, повернул шею и повернулся, чтобы посмотреть на Чжоу Цзихэна.

Чжоу Цзихэн, сидевший поодаль, тоже встретился с ним взглядом, но лишь на мгновение, он встал и подошёл к центру ссоры.

— У меня есть идея. – Сказал Чжоу Цзихэн.

Несколько человек, которые всё ещё спорили, прекратили, и Ся Сицин тоже медленно поднялся из ванны, согнув одну ногу и положив на неё руку.

— В чём заключается идея? – Линь Мо, которого внезапно прервали, явно был немного недоволен выражением лица. Он вообще не желал идти на компромисс. Он не думал, что актёр сможет убедить его с точки зрения художественной эстетики.

Внезапно вошёл Сяо Ло, держа в руке два больших букета красных роз, а сотрудники службы доставки цветов цветочного магазина позади него также держали в руках три больших букета. Каждый букет был полным и тёплым, и он мог почти полностью покрыть их верхнюю часть тела.

Это было действительно привлекательно:

— Цзихэн, цветы здесь.

Чжоу Цзихэн взял один из букетиков. Лепестки были нежными и свежими, но он протянул правую руку и безжалостно схватил один, сорвал с него лепестки, подошёл к Ся Сицину и высыпал горсть измельчённых лепестков ему на ладонь в ванне.

— Это то, что я думаю.

Лепестки упали из воздуха и приземлились на воду. Чжоу Цзихэн ясно видел сквозь падающие лепестки. В глазах Ся Сицина промелькнул намёк на удивление. Он слегка улыбнулся, повернулся и вручил букет стилисту.

Линь Мо на мгновение опешил, затем внезапно рассмеялся. Он был так удивлён.

Ванна полна красного, это то, чего он хочет.

— Здесь есть пять букетов роз, в каждом по девять штук по девять цветков, которых должно быть достаточно, чтобы покрыть эту ванну.

Стилист также увидела, что Линь Мо был покорён этой идеей, поэтому она немедленно принялась рвать розы на части и высыпать их в ванну. Чжоу Цзихэн мог отойти в сторону, поэтому он помог персоналу разложить лепестки в ванне. У него всегда был хороший характер, у него не было полки. Он часто незаметно помогает на съёмочной площадке, это вошло в привычку.

Лепесток прошёл через его руку и медленно направился к груди Ся Сицина вместе с волнами воды, плотно прилегая к порванной и промокшей чёрной рубашке.

— Как тебе пришла в голову эта идея? – Ся Сицин приподнял голову на краю ванны и тихо заговорил.

Подождала стилист, чтобы привести в порядок волосы Ся Сицина и снова надеть белое кружево ему на глаза.

Чжоу Цзихэн ничего не сказал, но молча набрал воды. Когда его пальцы оторвались от воды, на кончиках его пальцев появился лепесток.

Только сейчас, когда он сидел в стороне и наблюдал за Ся Сицином, в его сознании возникла такая сцена. Ему не нужны были никакие эстетические знания или какое-либо художественное восприятие.

Чжоу Цзихэн снял лепесток и осторожно приложил его к губам Ся Сицина.

[Только розы соизмеримы с тобой].

Это то, что он думал, но не хотел говорить Ся Сицину.

По крайней мере, не сейчас.

<http://bllate.org/book/14508/1284172>